

3. ПРАЖСКИЙ ПЕРИОД И РАСЦВЕТ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

/1922 – 1927/

После первых трудных лет жизни в эмиграции Г. В. Вернадский получил, наконец, возможность восстановить свой профессиональный статус в связи с так называемой «русской акцией», благодаря которой в Праге при поддержке президента Чехословакии Т. Масарика был учрежден ряд русских научных и учебных организаций. Переехав в феврале 1922 г. вместе с Ниной в Прагу, Георгий стал профессором Юридического факультета Карлова университета. Он не только быстро освоил новую для него дисциплину, но и опубликовал учебные пособия по истории права русского государства в XVIII-XX вв.⁴⁹

Научная деятельность в Праге оказалась связанной с Н. П. Кондаковым, выдающимся специалистом по истории Византии и русскому средневековому искусству, который, по словам Г. В. Вернадского, ввел его в «скифо-сарматский мир» и пробудил интерес к истории аланов. После переезда академика в Прагу в 1922 г. его ученики и коллеги организовали научный семинар, в котором самое активное участие приняли Н. М. Беляев, Г. В. Вернадский, А. П. Калитинский, Н. П. Толль и княжна Н. Г. Яшвиль. Георгий ранее не был близок к Никодиму Павловичу, но еще в Афинах он собрал обширный материал по истории Византии, а теперь опубликовал статьи о византийском праве, аграрной истории и историографии.⁵⁰ Что касается “*Seminarium Kondakovianum*” то, несмотря на смерть Н. П. Кондакова в 1925 г., он благодаря поддержке Т. Масарика и участию в нем ряда видных ученых, включая М. И. Ростовцева, Л. Нидерле и др. стал одним из наиболее авторитетных центров по изучению византийского и древнерусского

⁴⁹ Вернадский Г. В. Очерк истории права русского государства XVIII-XX вв. /Период империи/. Прага, 1924. /Еще ранее Г. В. Вернадский издал «Лекции по истории русского права, читанные на русском юридическом факультете в Праге в 1922 г.» Прага, 1922/.

⁵⁰ Вернадский Г. В. Заметки и крестьянской общине в Византии //Ученые записки, основанные Русской учебной коллегией в Праге, т. II, вып. 2 /1924/, с. 81-97; он же. *Sur l'origine de la loi agraire Byzantine* //Byzantion II (1924), p. 169-180; он же. Византийское учение о власти царя и патриарха //Сборник статей памяти Н. П. Кондакова. Прага 1926, с. 143-154.

искусства.⁵¹ Вернадский посвятил Н. П. Кондакову несколько биографических статей⁵² и продолжал принимать деятельное участие в работе “*Seminarium Kondakovianum*.”

Успешному научному творчеству благоприятствовало и восстановление утраченных ранее связей с родителями. В мае 1922 г. В. И. Вернадский, его жена Наталия Егоровна и дочь Нина получили заграничные паспорта и выехали в Прагу, где их встретил Георгий. Вместе семья прожила около месяца, после чего Владимир Иванович отправился с женой в Париж, где пробыл 3 года, а Нина поступила учиться на медицинский факультет в Карловом университете. Возвращались супруги Вернадские в Россию вновь через Прагу, где в конце 1925 г. попали на свадьбу Нины Владимировны и археолога Николая Петровича Толля.⁵³

Важным научным достижением Георгия стало его второе /после диссертации о русских масонах в эпоху Екатерины II/ крупное исследование, посвященное так

⁵¹ На протяжении многих лет члены семинара, переименованного затем в Институт /*Kondakov Institute*/, продолжали вести активную научную деятельность. Посмертно была издана выдающаяся работа Н. П. Кондакова о русской иконе вместе с двумя томами иллюстраций. Наиболее сложным оказалось финансирование периодического издания. По свидетельству Г. В. Вернадского подготовка I тома в 1926 стала возможной благодаря финансовой поддержке Чарльза Р. Крейна. Каждый следующий том публиковался за счет доходов от продажи предыдущего. Некоторая поддержка оказывалась также правительством и лично президентом Масариком. Попытки Вернадского обеспечить Институту постоянное финансирование «Американским советом ученых обществ» успехом не увенчались. См. Вернадский – Грейвену, 17 мая 1935 // *VAR, Vernadsky Papers*. *Box 17*; Подробно о деятельности семинара см.: Пашуто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., Наука, 1992, с. 32-44.

⁵² Вернадский Г. В. О значении научной деятельности Н. П. Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения, 1844 - 1 - XI – 1924. Речь, произнесенная на III съезде русских ученых в Праге 25 сентября 1924, с. 3-16; См. также статью на французском языке опубликованную в сборнике, посвященном памяти Кондакова. Прага, 1926. Halperin Ch. J. *Op. cit.*, p. 72.

⁵³ Вернадский В. И. *Жизнеописание...*, с. 143, 151-152.

называемой конституции Николая Новосильцева и изданное первоначально крайне ограниченным тиражем.⁵⁴

Приводившиеся в этой работе материалы убедительно свидетельствовали, что Александр I и друзья его юности, в частности Новосильцев, и после 1815, во всяком случае до 1820 г. /до восстания Семеновского полка/ не отказались от конституционных проектов и весьма основательно следили за развитием конституционной мысли как в Европе, так и в Америке. Не была случайной эта тематика и в творчестве Вернадского, который обращался к ней и в Крыму, и в Европе, и в Америке.⁵⁵

Наряду с диссертацией о русских масонах в XVIII в. книга об уставной грамоте Российской империи 1820 г. получили на Западе самую высокую оценку. Даже историки, которые склонны довольно критически оценить научное наследство Вернадского, выделяют эти работы особо.⁵⁶

⁵⁴ Вернадский Г. В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года. Историко-юридический очерк. Прага, 1925 /Литографированное издание/. Из-за недостатка средств опубликовать книгу как следует не удалось. См. Вернадский-Карповичу, 1 июля 1925 //BAR. Vernadsky Papers. Box 3. К счастью, в 1933 г. после авторских исправлений и дополнений Серж Ольденбург перевел эту книгу на французский язык, и она получила распространение не только в Европе, но и в США. Vernadsky G. La charte constitutionnelle de l'empire Russe de l'an 1820. Tradui de russe par Serge Oldenburg. Paris, 1933. Рецензию на эту книгу в американском журнале "Journal of Modern History" опубликовал Л. И. Страховский (Vol. 6, № 1, March 1934, p. 87-88.) В дальнейшем положительные отзывы об этой работе поместили такие авторитетные научные издания как "American Historical Review," vol. 39 (1933-34), p. 570-571 (автор М. М. Карпович) и "Slavonic and East European Review," vol. 14 (1936), p. 731 (A. Mazour).

⁵⁵ Vernadsky G. Un projet de déclaration des droits de l'homme et du citoyen en Russie en 1801 //Revue historique de droit français et étranger, 4 ser., (1925), № 4, pp. 436-445; idem. Alexander I-er et le problème slave pendant la première moitié de son règne //Revue des études slaves, VII (1927), pp. 93-111; idem. Zur Geschichte des Entwurfs einer Konstitution für Russland v. Jahre 1819. //Historische Zeitschrift, 135 (1927), S. 423-427; idem. Reforms under Czar Alexander I: French and American Influences // Review of Politics. 1947, № 9, pp. 47-64.

⁵⁶ Так, в заключении своего монографического исследования Ч. Гальперин специально подчеркнул, что «Русское масонство в царствование Екатерины II и Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г.» остаются исключительно ценными

Отдавая должное исследованиям Вернадского по западной тематике нельзя не отметить, что не этим работам принадлежит главное место во время его пребывания в Праге, и не они определяли общее направление его дальнейшей научной деятельности. Гораздо более важное значение в научном творчестве историка заняла теория евразийства. Первоначально евразийство возникло в Софии в 1921 г., когда четыре молодых русских эмигранта /Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский и П. П. Сувчинский/ издали сборник статей «Исход к Востоку». Вскоре центр этого направления переместился в Прагу, куда переехал один из главных теоретиков евразийских идей Петр Николаевич Савицкий /1895-1968/. Именно Савицкий оказал наибольшее влияние на Вернадского, а их переписка и сотрудничество продолжалось затем несколько десятилетий. Неоднократно Прагу посещал и другой известный евразиец Николай Сергеевич Трубецкой /1890-1938/, обосновавшийся в Вене. Среди приверженцев этой теории можно упомянуть также П. М. Бацилли, М. В. Шахматова, Л. П. Карсавина и многих других. Но если для большинства евразийцев важное значение имели политические выводы, которые вытекали из новой концепции, то для Вернадского с самого начала главным стали чисто научные аспекты евразийской доктрины. Привлекало Вернадского и перво-степенное место, которое в новой теории уделялось православной церкви. Не случайно поэтому первая же евразийская статья ученого было посвящена необходимости защиты православных духовных ценностей от латинства.⁵⁷

Увлекла Георгия и возможность использования евразийских идей для сравнительного анализа различных сторон русской истории. В этом смысле особое значение имела его статья о двух подвигах Александра Невского /1925/, а также напечатанная два года спустя в том же «Евразийском временнике» работа о монгольском иге в русской истории.⁵⁸

образцами исторического исследования. См. Halperin Ch.J., p. 187 (Conclusion : Vernadsky's Legacy).

⁵⁷ Вернадский Г. В. «Соединение церквей» в исторической действительности //Россия и латинство. Берлин, 1925, с. 80-120. Сравнительно недавно эта статья была перепечатана в журнале «Вопросы истории» с предисловием Н.Е.Сониной. «Вопросы истории», 1994, № 7, с. 155-174.

⁵⁸ В 1990-х годах обе эти статьи были перепечатаны в журнале «Наш современник», 1992, № 3, с. 151-164.

Во время Великой отечественной войны Александр Невский стал в Советском Союзе символом борьбы с немецким нашествием. Действительно Александр совершал «подвиг брани» на берегах Невы /1240/ и на льду Чудского озера /1242/. Но, как подчеркнул Г. В. Вернадский, перед силой Востока он счел необходимым смириться. Мудрость его шла от Бога и на самом деле она оказалась настоящим подвигом, «подвигом смирения».⁵⁹

Сильное религиозное чувство, возникшее у Георгия еще в Перми, с тех пор все возрастало, и в 1920-х годах начало оказывать влияние и на его научное творчество. «Два подвига Александра Невского – подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке – имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа». Напомним, что в XIII веке Русь оказалась между двух огней. С Востока надвигалась страшная татаро-монгольская угроза. Поражение на Калке, а затем захват в 1240 г. Киева привел к установлению власти татар практически над всеми русскими княжествами, кроме, разве, Новгорода и Пскова. Одновременно смертельная опасность надвигалась с Запада. Венгрия и Польша бросились на Галицию и Волынь. Ливонский орден в Риге и Тевтонский орден в Пруссии повели наступление на Псков и Новгород. Шведский полководец Бергер, побуждаемый папой на крестовый поход, высадился в июле 1240 г. на берегах Невы.

Весьма убедительно Г. В. Вернадский показал, что устоять одновременно на Востоке и на Западе Русь была не в состоянии. Двое сильнейших русских князей сделали выбор по разному. Даниил Галицкий выбрал Запад и с его помощью попытался вести борьбу против Востока. Александр Невский выбрал Восток – и под его защитой смог одержать сокрушительную победу на Западе сначала над шведами на берегах Невы, а затем в апреле 1242 г. над немцами на льду Чудского озера /Ледовое побоище/. В дальнейшем «возрастание русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром. Племя Александрово построило Московскую державу». Политика Александра Невского со временем превратилась в политику Дмитрия Донского. Орда постепенно обмельчала и обессилила, не стало уже необходимым и подчиняться татарам. «Православное царство могло быть воздвигнуто прямо и открыто, Православный стяг поднят без опасений».

⁵⁹ Здесь и ниже цитируется статья: Вернадский Г. В. Два подвига св. Александра Невского //Евразийский временник, 1925, кн. 4, с 318-337.

С другой стороны, несмотря на внешние успехи и коронацию в 1255 г. присланной от папы короной, политика Даниила Галицкого в конечном итоге потерпела крах – он «проиграл самое главное – православную Россию». После его смерти «Галицко-Волынская земля была расхватаана соседями – уграми, поляками, литовцами». Не будем, однако, строго судить честолюбивого князя. Кстати, он также пытался заручиться поддержкой Батыея, но в конечном итоге ни Запад, ни Восток не оказали ему необходимой помощи. «Шумная и блестящая эпоха Даниила Галицкого, – по словам Г. В. Вернадского, – прошла впустую. Глубокая и настойчивая политическая работа Александра Невского привела к великим следствиям». Соглашась в принципе со схемой, развиваемой Вернадским, следует, конечно, учитывать, что и Александр Невский, и Даниил Галицкий действовали так, как от них требовали обстоятельства. Никакого продуманного заранее плана не существовало. Можно лишь полагать /а именно это и имел в виду Вернадский/, что за действиями св. Александра Невского стоял сам Господь.

Широкое видение событий характерно и для статьи «Монгольское иго в русской истории». «Мировая история, - справедливо писал Вернадский, - понятие гораздо более широкое, чем история европейская».⁶⁰ Между тем, «у нас создавалась искривленная историческая схема мировой истории. Германо-романская Европа нам представляется основным стержнем исторического процесса», что связано главным образом с бурным ростом «европейской культуры в XV-XIX веках», в частности, с развитием «прикладного естествознания и техники, промышленности военной и политической жизни», а это обстоятельство – «явление временное».

«Как сложится мировая жизнь уже в XX веке – большой вопрос и большая загадка. Среди романо-германских народов все больше выдвигается в жизни новое образование – Америка англосаксонская, а также Америка испано-португальская. Предстоят колоссальные сдвиги народов Азии и Африки – индусов, китайцев, японцев, монголов, турок, негров».⁶¹

Русская цивилизация, отмечал автор, питалась с одной стороны византийской культурой, а с другой культурой степных кочевников, «перенимая от них одежду и оружие, песнь и сказку, воинский строй и образ мысли». После того

⁶⁰ Здесь и ниже см.: Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории //Евразийский временник, 1927, кн. V, с. 153-164; Наш современник, 1992, № 3, с. 158-164.

⁶¹ Цитируемые здесь высказывания перекликаются с мыслями Владимира Ивановича Вернадского в его переписке с сыном, которая велась вплоть до 1944 г.

как мировая империя Византии была в начале XIII в. разрушена крестоносцами-латинянами /1204 г./, русская земля попала в систему другой империи – Монгольской, причем «круг земель, охваченных монгольской саблей, был значительно шире того, который очерчен был ранее римским мечом». В результате, русские земли в политическом отношении оказались частью огромного мира, простиравшегося от Тихого океана до Средиземного моря. «Русские военные отряды ходили с татарскими царями далеко за Дон», и участвовали даже в войсках Кубилия при завоевании Южного Китая во второй половине XIII века. Культурное слияние могло бы быть полным в случае, когда монголы принимали веру большинства местного населения /буддизм – в Китае, мусульманство – в Персии/. Более того, Вернадский полагал, что «если бы монгольские ханы, потомки Джучи, приняли православие, то, вероятно, не Москва, а Сарай оказался бы духовным и культурным центром русской земли». В действительности же, как известно, все произошло иначе, и в 1380 г. на Куликовом поле Москва открыто выступила против Сарая и устояла.

В наиболее полном виде евразийская концепция применительно к России изложена Г. В. Вернадским в книге «Начертание русской истории, опубликованной в Праге в 1927 г. «Понятие «Европейской России» есть искусственно созданное в XVIII-XIX вв. в европейской и русской исторической науке понятие... «Россия» в смысле территории русского племени никогда не совпадала с рамками «Европейской России»... Нет «естественных границ» между «европейской» и «азиатской» Россией. Следовательно нет двух России, «европейской» и «азиатской». Есть только одна Россия «евразийская» или Россия – Евразия.⁶² Освоить огромную территорию Евразии, ставшую его «месторазвитием», русский народ «мог лишь потому, что наряду с земледелием, он всегда занимался посредничеством между лесными промыслами и степным скотоводством». Как писал Вернадский, «русский народ – не только народ-пахарь», но также «лесопромышленник и скотовод», народ посредник и «народ-торговец».⁶³ Отсюда и значение рек с их притоками: «Волга, Днепр, а впоследствии Обь с Иртышом, Енисей, Лена, Амур и др.»

Евразийская концепция оказалась для Вернадского как бы естественной, так как в свое время изучение движения русских на восток стало его первой и, по всей

⁶² Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Ч. 1. Евразийское книгоиздательство. /Прага/. 1927, с. 6.

⁶³ Там же, с. 8.

видимости, любимой темой. Первоначально он занимался в основном колонизацией Сибири. Теперь круг его внимания расширился от крайне западного угла Евразии /Карпатско-Черноморского/ до Тихого океана и Тянь-Шаня. Это не «империализм», – писал Вернадский, – это неустранимая внутренняя логика «месторазвития».⁶⁴

Любопытно рассуждение автора о роли кочевых народов. Степь и пустыню он сравнивает с морем, которое соединяет отрезанные друг от друга части «твердой культуры». «Так же как и на морях, в степи бывали свои бури – периоды опустошительных набегов и передвижения степных кочевников». Такую соединительную роль играли скифы, гунны /Аттила/. «В еще более грандиозных размерах эта попытка была повторена монголами в XIII в. Империя Чингис-хана и его преемников тянулась от Тихого океана до Адриатического моря».⁶⁵ Размеры империи, конечно, впечатляют, но не очень ясно какое содействие развитию торговли оказало монгольское нашествие народам и государствам, которые оказались уничтожены, разграблены и порабощены жестокими завоевателями. В целом, история русского народа представлена как борьба «леса» /русского населения лесной зоны/ со «степью» /степными кочевниками/. Монгольское нашествие ознаменовало решительную «победу степи над лесом» /1238-1452/ Московское государство возникло на развалинах Золотой орды и стало одним из наследников империи Чингис-хана. Затем /условно 1452-1596/ обозначилась решительная «победа леса над степью. В дальнейшем происходит распространение Российской империи до естественных границ Евразии и «объединение леса и степи». Упоминает автор и о попытке «овладения значительной территорией в Северной Америке, 1732-1867».⁶⁶

Работая над «Начертанием» Вернадский находился под влиянием своего друга и коллеги по юридическому факультету в Праге П.Н.Савицкого, который сопроводил книгу своим послесловием под названием «Геополитические заметки по русской истории».⁶⁷ Поддерживая и развивая основные принципы книги П. Н.

⁶⁴ Там же, с. 12. Предвидя неизбежные обвинения в оправдании империализма Вернадский оговаривал случаи «легкомысленного авантюризма», упоминая «русификаторскую деятельность» в Варшаве, некоторые войны XVIII-XIX вв., империализм на Дальнем Востоке в начале XX века. См. там же, прим. 2.

⁶⁵ Там же, с. 25.

⁶⁶ Там же, с. 22-23.

⁶⁷ См. Савицкий П. Н. Геополитические заметки по русской истории, с. 234-260.

Савицкий отмечал, что «с геополитической точки зрения» включение истории Золотой орды в рамки русской истории является «незыблимо обоснованным». К концу XIX в. процесс создания России-Евразии как геополитического единства в основных чертах завершился. Очень по современному звучит и общий вывод Савицкого: «В последние годы Россия-Евразия вступила в полосу «мутации /существенного изменения ряда признаков и свойств/... «Мутация» еще не завершилась. И нет сомнения, что создающееся включит в себя / в преобразованном и обновленном виде/ многое «старое»». ⁶⁸

Уже при своем рождении евразийская доктрина оказалась тесно связанной с политикой. Весьма политизированной она остается и сейчас. Этим отчасти объясняется перепечатка очерка П. Н. Савицкого в одном из наших ведущих исторических журналов с предисловием проф. Дурновцева, ссылки на евразийство 20-30 годов в недавнем докладе чл.-корр. РАН, директора Института Дальнего Востока М. Л. Титаренко ⁶⁹ и т.д. К чести Вернадского надо сказать, что никакого участия в пропаганде политических аспектов евразийства он никогда не принимал. Зато его роль в развитии исторической стороны этой доктрины очень велика. Именно Вернадскому впервые удалось на основе единой евразийской концепции дать очерк всей русской истории от древнейших времен до начала XX века. В дальнейшем на протяжении всей своей жизни ученый продолжал уточнять и развивать отдельные детали евразийской концепции, но, в целом, никогда от нее не отказывался, хотя большинство влиятельных русских эмигрантов никогда эту концепцию не разделяли и не одобряли /П. Н. Милуков, П. Б. Струве, А. А. Кизеветтер и многие другие/. Среди противников евразийства оказались и ближайшие друзья Вернадского М. М. Карпович и С. Г. Пушкарев.

⁶⁸ Там же, с. 260.

⁶⁹ Вопросы истории, 1993, № 11-12, с. 120-139; Титаренко М. Л. Российское евразийство: опыт нормализации и развития отношений между РФ и КНР и перспективы российско-японских отношений. Ноябрь 2001 г. /рукопись, 24 стр./